

М.А. Корусенко

Некоторые результаты изучения динамики культурных явлений у тарских и барабинских татар в XX – начале XXI в. (по материалам погребального обряда и погребальных комплексов)

Очевидно, что задачи исследования динамики культурных явлений прямо связаны (и прямо следуют!) за процедурами описания и систематизации феноменов, относящихся к некоему пространственному и хронологическому локусу традиционной культуры.

В избранной нами проблематике исследования традиционных представлений и обрядовых практик, связанных со смертью, на протяжении последних пяти лет основное место занимало именно описание и систематизация большого количества артефактов, сюжетов и явлений этой сферы традиционной культуры. Наши исследования выполнялись в местах современного проживания двух этнических общностей сибирских татар – тарской и барабинской. Эти этнические образования по крайней мере с XVI в. проживают на соседних территориях, в предтаежной и лесостепной зонах Юга Западной Сибири [1, с. 45]. Сейчас это, в частности, границы Муромцевского, Большереченского, Колосовского, Тарского районов Омской области и Барабинского, Венгеровского, Кыштовского, Куйбышевского и Чановского районов Новосибирской области.

Во время работ в населенных пунктах нами проводились сборы в русле традиционных этнографических методик по опроснику А.В. Смоляк и З.П. Соколовой [2, с. 169–177], модифицированному под местную специфику [3, с. 16]. Нами в процессе сбора информации сделан крен на усиление не количественного ее объема, а качественной составляющей. В частности, особо тщательно проверялись собранные фактические сведения, уточнялись термины, порядок обрядовых действий, в ряде случаев оказывалось возможным сравнение современных сведений с более ранними (1970–1980-х гг. и др.) материалами, выявлялась специфика представлений, обусловленная этнической принадлежностью информантов, и т.д. В ключевых моментах обряда, которыми, например, являются сведения об устройстве погребальных камер, информация проверялась многократно. Необходимо также отметить, что специально проводилась работа по выяснению степени воздействия на обряд служителей культа.

Комплексы материальной культуры, связанные с обрядами перевода умерших в мир потусторонний (некрополи), изучались с помощью новой методики, разработанной в рамках проекта «Этнографо-

археологические комплексы татар и русских низовьев р. Тара XVII–XXI вв.». При изучении этих погребальных комплексов в рамках данной методики производилась подробная фиксация всех без исключения надмогильных сооружений, видимых деталей устройства погребальной камеры, предметов сопроводительного инвентаря, сооружений, находившихся за пределами могил (ограда вокруг кладбища, домики для хранения инвентаря и др.), особенностей топографии местности. Все объекты получали особый номер и фиксировались посредством описания, фотографирования, зарисовки. В процессе работы производилась инструментальная съемка плана кладбища с нанесением на него всех фиксируемых объектов. В начальной стадии накопления материала обязательно выполнялись планы отдельных могил.

С точки зрения исторической ретроспекции, например, совершенно необходимым оказалось изучать не только современные надмогильные сооружения, но и их остатки различной степени сохранности.

В итоге нами был получен материал, который демонстрирует нам «поведение» различного рода конструкций и насыпей холмов как в пределах одного комплекса, так и (привлекая данные других некрополей) универсальные, общие для этой группы объектов, характеристики.

Кроме того, к разряду необходимых сведений авторами методики отнесены установление границ захоронений групп родственников и отличия в форме могил и надмогильных сооружений, связанные с социальной иерархией в данной этнической общности. [3, с. 18–19].

Очевидно, что верное прочтение таких фактов невозможно без сборов материала в населенном пункте, которому принадлежит кладбище. Поэтому обе упомянутые методики совмещены нами в новом подходе, который выразился в соединении формальной информации описаний и сведений, почерпнутых из общения с информаторами, что позволило сформировать целостную картину изучаемого феномена этнической культуры. Таким образом, в поле зрения исследователя попали и оказались зафиксированными практически все объекты, содержащие этнокультурную и этносоциальную информацию.

Необходимо отметить, что за время работы в Тарском Прииртышье и Барабинской лесостепи в на-

шем распоряжении оказались материалы обследования 31 некрополей тарских и барабинских татар (см. табл.), параллельно проводились сборы по погребальному обряду в населенных пунктах, которым принадлежали кладбища. В течение 1993–1997 гг. нами проведены детальные обследования и описания шести погребальных комплексов в рамках вновь разработанной методики с целью ее всесторонней апробации. В последующие годы мы провели работы еще на восьми некрополях, несколько видоизменив механизмы сбора данных – они представлены только результатами инструментальной съемки, выборочных описаний и полной фотофиксации. Таким образом, к настоящему времени мы располагаем материалами 14 обследованных комплексов, в том числе приблизительно 800 детальными описаниями надмогильных сооружений. Эти материалы (инструментальные планы, научные описания и отснятые на фото и зарисованные объекты) составили основной массив для анализа. Материалы еще 17 некрополей, обследованных в это же время в рамках традиционных методик этнографического сбора (т.е. выборочной фотофиксации и зарисовок) предоставляют в некоторых случаях дополнительные материалы для наших аналитических построений.

Именно работа с основным массивом материалов позволила нам сформулировать предположение о существовании в сознании представителей исследуемых групп сибирских татар некоего образа потустороннего мира, в виде устойчивой мифологемы. Предположение переросло в утверждение после обращения от комплексов артефактов к сведениям по обрядовой практике, которая получена при работе в поселениях тарских и барабинских татар [4]. Таким образом был очерчен круг или совокупность фактов и явлений традиционной культуры тарских и барабинских татар, которые могут быть определены как проявление существенных характеристик данной мифологемы.

Предпринятый нами анализ выявил и некоторые видоизменения этого образа, которые удалось проследить в некоторых элементах традиционной культуры изучаемого населения. Мы интерпретировали эти изменения как след трансформации соответствующей этой мифологеме части культурной традиции. Причем, по нашему мнению, трансформация некоторых существенных характеристик образа потустороннего мира может в таком случае рассматриваться своеобразным маркером общего направления видоизменения элементов традиционной культуры тарских и барабинских татар. Прежде всего, конечно, речь следует вести о культурной традиции, связанной с погребальной практикой у изучаемого населения.

Подобную трансформацию в контексте наших материалов можно рассматривать в рамках взаимодействия некоей культурной основы и новаций. Поэтому для более адекватного представления об исследуемом феномене отметим состояние некоторых элементов

погребальной обрядности изучаемого населения, которая, по нашему мнению, сложилась к концу XIX в. в устойчивых формах. Прежде всего речь идет о сложении в регионе культуры «народного ислама», которая хотя и вывела на первое место атрибуты мусульманства, тем не менее органично включила в себя целый блок домусульманских представлений и верований [5, с. 12–20].

Исторические коллизии начала – середины XX в. сначала привели к консервации некоторых элементов (например, в погребальной обрядности) и исчезновению других (временному или окончательному, например, к свертыванию деятельности мусульманского духовенства) в традиционной культуре. Социально-экономические процессы второй половины XX в. привели к большому количеству заимствований и способствовали продолжению исчезновения (или вытеснению на периферию) некоторых элементов культуры изучаемого населения. Не избежала изменений и сфера погребального обряда. Хотя традиционно она считается наиболее консервативной областью традиционной культуры.

Итак, обратимся к рассмотрению некоторых элементов погребального обряда, которые мы определили как *культурную основу*. Весь комплекс материалов, собранных за время нашей работы в данном регионе, позволяет сделать некоторые выводы о наиболее общих взглядах наших информантов на формирование мира, места в нем человека, его душе, загробном мире и т.д. в связи с погребальной обрядностью. Наши полевые материалы позволяют говорить о традиционной картине мироздания, бытующей у изучаемого населения как о трехчленной, где выделяется верх, середина и низ.

Современные материалы по погребальной обрядности демонстрируют нам примеры, может быть, в настоящее время уже неосознанного, но включения всех жителей населенного пункта в некую общность, которая, допустим, возникает в момент смерти односельчанина. Такая общность проявляется, например, в разном месте, которое занимают родственники (в зависимости от степени родства) при прощании с умирающим, сидении с ним, участии в обмывании и изготовлении погребальной одежды, приготовлении могилы, участии в траурной процессии и т.д. Среди участников различных церемоний выделяется своим местом группа пожилых людей (как мужчин, так и женщин), которые наиболее близки, если можно так выразиться, к «возрасту смерти», и поэтому, видимо, и выполняют большинство процедур во время похорон, а также первыми участвуют в поминках, получают подношения т.д. Наиболее показателен здесь обычай повязывать остатки материи от савана участникам его изготовления.

Связь покойника с живыми наиболее четко проявляется в отношении к другой совокупности людей –

Некоторые результаты изучения динамики культурных явлений...

Перечень обследованных некрополей тарских и барабинских татар (1993–2007 гг.)

№ п/п	Год обследования	Наименование комплекса, местоположение	Научное описание объектов	Фотофиксация объектов	Инструментальный план комплекса	Примечания (+ – полное обследование; В – выборочное; – параметр отсутствует)
1.	1993	Мазарат д. Инцисс, Муромцевский район Омской области	+	+	+	
2.	1993	Мазарат д. Юрт-Бергамак, Муромцевский район Омской области	+	+	+	
3.	1994	Мазарат д. Берняжка, Большереченский район Омской области	+	+	+	
4.	1995	Мазарат д. Чеплярово, Большереченский район Омской области	+	+	+	
5.	1996	Мазарат д. Черталы, Муромцевский район Омской области	+	+	+	
6.	1997	Мазарат д. Большие Мурлы, Большереченский район Омской области	+	+	+	
7.	1998	Мазарат д. Сеитово, Тарский район Омской области	В	+	+	Выборочное описание 25 объектов в одном секторе комплекса
8.	1999	Мазарат д. Речапово, Тарский район Омской области	В	+	+	Выборочное описание 25 объектов в одном секторе комплекса
9.	1999	Мазарат д. Агачка, Тарский район Омской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация, снят фильм
10.	1999	Мазарат д. Ишеево, Тарский район Омской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
11.	2000	Мазарат д. Уленкуль, Большереченский район Омской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
12.	2000	Мазарат д. Черналы, Большереченский район Омской области	–	+	+	
13.	2000	Мазарат д. Каракуль, Большереченский район Омской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
14.	2001	Мазарат д. Большие Туралы, Тарский район Омской области	В	В	–	Выборочное описание, фотофиксация, снят фильм
15.	2001	Мазарат д. Малые Туралы, Тарский район Омской области	В	+	+	Выборочное описание 15 объектов
16.	2001	Мазарат д. Гузенево, Муромцевский район Омской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
17.	2002	Мазарат д. Кочуково, Знаменский район Омской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
18.	2002	Мазарат д. Усть-Тамак, Знаменский район Омской области	В	+	+	Выборочное описание 15 объектов
19.	2003	Мазарат д. Тоскино, Колосовский район Омской области	В	+	+	Выборочное описание 15 объектов
20.	2003	Старый мазарат д. Тоскино, Колосовский район Омской области	+	+	+	
21.	2002	Мазарат д. Усманка, Кыштовский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
22.	2002	Мазарат бывшей д. Мангыт, Кыштовский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
23.	2002	Мазарат бывшей д. Ак-Балык, Кыштовский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
24.	2003–2004	Мазарат д. Кошкуль, Чановский район Новосибирской области	В	В	+	Описано 5 объектов, выборочная фотофиксация
25.	2003	Мазарат д. Аялу, Чановский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
26.	2005	Мазарат д. Чаргары, Кыштовский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
27.	2006	Мазарат аула Бергуль, Куйбышевский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация
28.	2006	Мазарат аула Шагир, Куйбышевский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация, снят фильм
29.	2007	Мазарат аула Тандов, Барабинский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация, снят фильм
30.	2007	Мазарат д. Ново-Курупкаевка, Барабинский район Новосибирской области	–	В	–	Выборочная фотофиксация, снят фильм

в том, что в похоронах запрещено участвовать беременным женщинам и детям. Часто нам объясняли, что это может нанести вред их здоровью. Для остальных людей умерший не так опасен, но тем не менее мужчины, приготавливающие или закапывающие могилу, не передают лопату из рук в руки, а оставляют ее на земле, и следующий из копальщиков ее поднимает. Частую смену мужчин, несущих покойника в траурной процессии, так же можно прочесть как ограничение контакта, разрыв возможной связи с ним. Другими способами разрыва связи с умершим являются, например, ритуалы вбивания гвоздя в место на полу, где лежал умерший в доме, особые участки («...где не ходят ни человек, ни скотина...») для утилизации воды, использованной для его обмывания, уборка и обязательная побелка в доме после выноса покойника и т.д.

Таким образом, часть общины (беременные женщины, дети, люди среднего возраста) оберегает себя от воздействия умершего, рвет с ним связь. Другая часть, в основном пожилые люди, поддерживает связь с умершим посредством цикла обрядов при похоронах, а также при поминках. Это позволяет причислить такую общность пожилых людей к ныне здравствующим предкам, живым представителям сомна ушедших в мир иной.

Следовательно, можно отметить, что некая часть культурной основы выражается во взаимодействии общины живых и мертвых, в наличии возраста «перехода» из одного мира в другой. Рождение и смерть неразрывно связаны, поэтому, может быть, уже не осознанно, не допускаются на похороны беременные женщины и дети. Видимо, за этим запретом скрыто представление о непрочной границе между ребенком, тем более не рожденным, и потусторонним миром.

Погребальный комплекс (кладбище) в таком случае – место «входа в потусторонний мир», поселение мертвых. Это место обычно отграничено от поселений живых своеобразной мысленной «чертой» и вполне осязаемыми преградами. Посещение данных комплексов во время, не связанное с похоронами, невозможно. Именно поэтому некоторые кладбища тарских и барабинских татар по традиции расположены ниже по течению реки или отделены границами от общины живых рекой, другими преградами (например, некрополи д. Инцисс, Чеплярово) или располагались на удалении от деревень (аулы Шагир, Тандов, д. Ново-Курупкаевка, Усть-Тамак). Реальным проявлением мыслимой границы мира реального и потустороннего может быть определено место чтения искупительной молитвы *ченоза*, которая или сопрягается с упомянутыми преградами или определяется как место на половине дороги от поселения на кладбище. Надмогильные сооружения по этой же причине представляют собой замкнутые конструкции, не имеющие входов, и, по канону, должны быть изготовлены из

дерева, без использования металлических элементов, не имеют четко выраженных персонифицированных признаков умершего. Они не подновляются, «человек из земли вышел – в землю и уйдет» (см. рис. 1.-1–2). Признаки мусульманского погребения – полумесяцы – фиксируются не на всех конструкциях.

Разрыв связи между живыми и умершим на одном уровне соседствует с поддержанием связей на другом. Речь идет о поминальном цикле, во время которого, по представлениям наших информантов, нужно соблюдать определенные процедуры, обеспечивающие умершему правильный и, соответственно, окончательный уход в потусторонний мир. Общепринято мнение, что на протяжении поминального цикла родственники умершего должны устраивать застолье с ритуальной пищей, «приятной» умершему, раздавать милостыню *садака* от его имени, совершать молитвы и т.д. Частью таких представлений, несомненно, является уже упомянутый известный запрет на использование металла при сооружении надмогильных конструкций.

Следовательно, элементы традиционного мировоззрения, которые мы определяем как основу культурной традиции, можно объединить в рамках взаимодействия «община живых–община мертвых» или «поселение живых–поселение мертвых» и мифологему потустороннего мира рассматривать именно с учетом этой бинарной оппозиции.

Если говорить о *трансформации*, то в погребальном обряде ее можно охарактеризовать как видоизменение традиции, вымывание/исчезновение из нее части условно архаических черт, установление книжной мусульманской традиции организации похорон, обязательное участие в них служителей мусульманского духовенства и восприятия некоторых заимствований от окружающего населения.

Наиболее зримыми чертами здесь являются, например, снятие запрета на присутствие на похоронах беременным женщинам и детям. Особенно это заметно, когда эти категории населения являются родственниками усопших. Община живых, в том числе еще и не рожденных, отходит на второй план, происходит персонификация общения с умершим. Хотя другие упомянутые характеристики – *основы* процедуры и способы разрыва связи с умершим – продолжают исполняться.

В материальных объектах этот сюжет отражается наиболее, как нам кажется, очевидно. Традиционное устройство кладбищ, характерное для тюркского населения этого региона, заменяется на более функциональное расположение кладбища (см. например, некрополи вблизи д. Берняжка, Гузенево, Черталы, бывшей д. Юрт-Бергамак, д. Уленкуль, Большие и Малые Туралы, Кошкуль, Усманка, аулов Бергуль, Аялу, Тебисс). Эти комплексы расположены около деревень, иногда вплотную к населенному пункту, расположение *вниз* по течению реки, явное отграничение от посе-

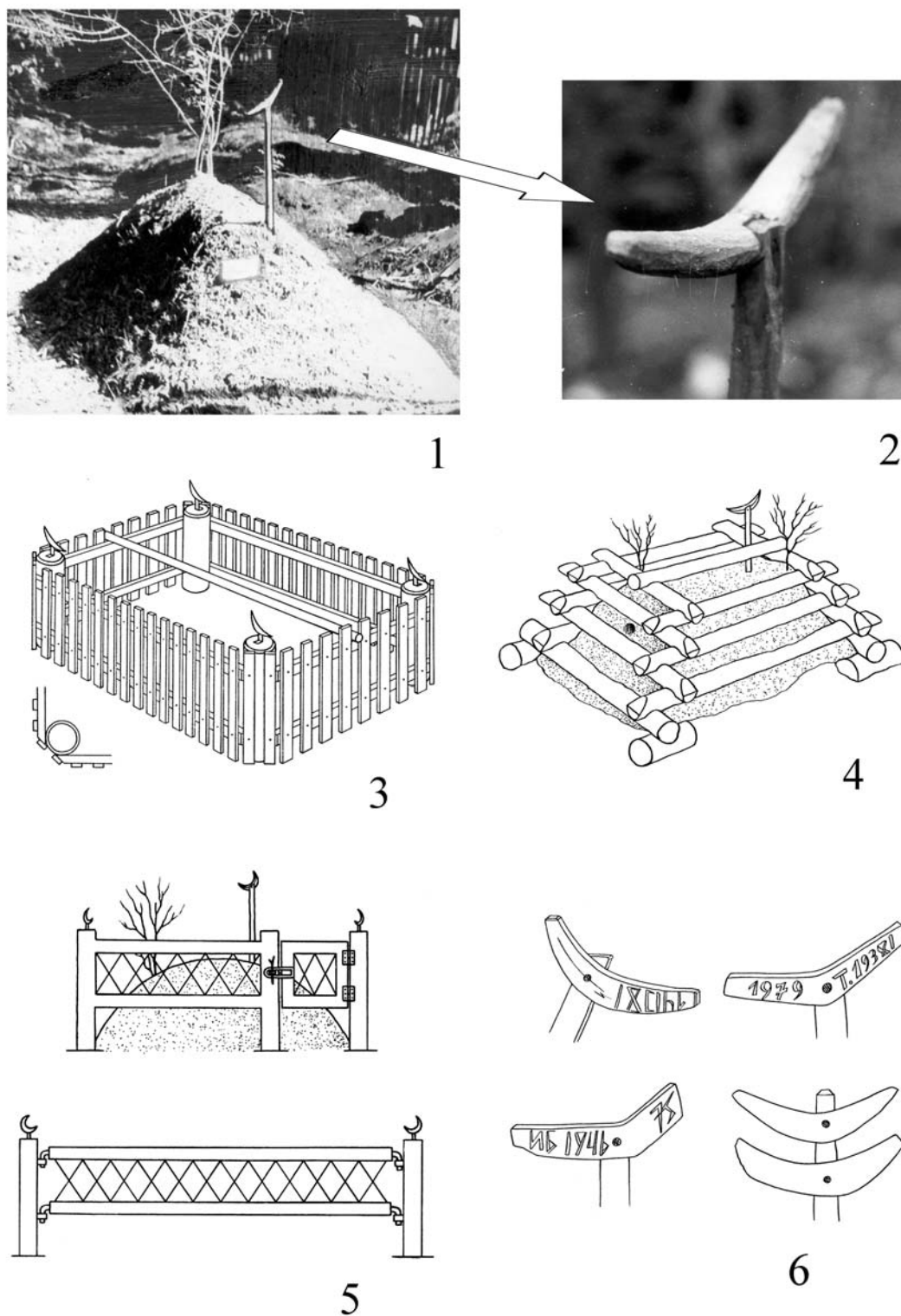

Рис. 1. Формы внешнего устройства надмогильных сооружений, отражающие некоторые фазы эволюции мировоззрения сибирских татар. Цифрами обозначены: 1 – холм с полумесяцем, сооружен без дополнительных деревянных конструкций и металлического крепежа; 2 – полумесяц крупным планом, закреплен в пазу с помощью деревянного шипа; 3 – деревянная ограда-штакетник, изготовленная с применением металлических гвоздей, не имеет входа; 4 – срубная ограда, изготовленная с применением подставок; 5 – детали металлической ограды с входом; 6 – виды деревянных шестов с полумесяцами и надписи на них

ления, уже не играет роли). Можно также отметить, что мыслимая черта (обычно это, как мы отметили выше, место чтения искупающей молитвы – *чезозы*), являющаяся своеобразной чертой, отделяющей мир живых от мира мертвых, смещается к границам кладбища. Кладбища начинают посещаться, в том числе и женщинами, не только в период похорон, но и для очистки их от мусора, уборки.

На погребальных комплексах во второй половине XX в. широко распространены металлические надмогильные сооружения (см. рис. 1.-5), возникает традиция окраски надмогильных конструкций, широко используются для сооружения деревянных оградок и полумесяцев металлические гвозди и металл (рис. 1.-3). Появляются разомкнутые ограды, т.е. ограды с входом, вблизи могут располагаться столы и сиденья для проведения поминок, фиксируются случаи посадки на холмы могил садовых цветов и уход за ними. Широко распространена традиция изготовления фотографических изображений умершего, сопровождающихся надписью на русском или татарском языках, обычно с датами жизни. Вновь появляются надписи на арабском языке на могилах в конструкциях (известно, что они широко бытовали в XIX – начале XX в.). Даже при изготовлении самой архаичной погребальной конструкции – деревянной срубной оградке – отмечено появление новаций – это надписи на стенках, выполненные масляной краской или вырубленные топором, фотографические изображения умерших, широко используются подставки под нижние венцы – с целью предотвратить быстрое разрушение объекта (см. рис. 1.-4). Локально зафиксирована традиция делать надписи на полумесяцах (см. рис. 1.-6).

Таким образом, культурная основа конца XIX – начала XX в. определенным образом трансформировалась к концу XX – началу XXI в., вследствие чего некоторые явления, ее составляющие, исчезли

и отошли на второй план. Прежде всего нужно вести речь о размывании образа потустороннего мира, которые мы выявили на фоне взаимодействия общины живых и общины мертвых. Общение покойного и живых становится более персонифицированным (снятие запрета или его смягчение на участие в церемониях беременных женщин и детей); к этому же кругу явлений, вероятно, следует отнести традицию изготовления надмогильных сооружений из металла, с использованием металлического крепежа, окраску этих сооружений, стремление как можно более сохранить их долговечность. С другой стороны, некоторые явления вновь вышли на первый план. И самый очевидный сюжет здесь – восстановление мусульманской традиции проведения похорон, сейчас уже основанное на книжной традиции. Причем этой традиции придется либо мириться с некоторыми новациями в погребальном обряде, возникшими во второй половине XX в. (надписи на русском, татарском языках на надмогильных сооружениях, фотографические изображения умерших), либо бороться с ней, замещая эти структурные элементы собственными (например, надписями на арабском языке).

Такими нам видятся в самых общих чертах видоизменение элементов традиционной культуры тарских и барабинских татар и трансформация образа потустороннего мира в их традиционном мировоззрении в обозначенные временные рамки.

Вполне оправданным представляется констатировать, что на современный погребальный обряд, имеющий описанные элементы основы, влияют два основных фактора – заимствования из культуры пришлых народов (русские, поволжско-приуральские татары) и воздействие, если так можно выразиться, второго пришествия ислама. Взаимовлияние этих инновационных тенденций, видимо, будет определять направление эволюции традиционной культуры упомянутых групп сибирских татар в ближайшее время.

Библиографический список

1. Томилов, Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. / Н.А. Томилов. – Новосибирск, 1992.

2. Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии (для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик. – Омск, 2002.

3. Корусенко, М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. (опыт анализа структуры и содержания) / М.А. Корусенко // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 7.

4. Материалы экспедиций хранятся в архиве Музея археологии и этнографии ОмГУ (МАЭ ОмГУ), Ф. 1. Д. 84-6,

к. 444–463, 542–700, 821–823; Д. 84-8, к. 916–1016; Д. 90-6, к. 452–455, 469–471, 485, 492–495, 563, 567–568; Д. 90-7, к. 571–572, 574–575, 578–580, 582–589, 602–611, 613–615, 753–750, 845–862, 865–991, 998–1000; Д. 94-3, к. 313–330, 586, 591, 649, 656; Д. 94-4, к. 317–495; Д. 102-2, к. 93–121, Д. 102-6; Д. 102-7, к. 423–721; Д. 105-3, к. 163–400; Д. 111-3, к. 243–283, к. 284–310, 315; Д. 113-2, к. 19–20, 242, 247–254, 256–264; Д. 144-1, к. 65–96; Д. 145-5, к. 488–522; Д. 158-2, к. 216–333; Д. 165-4, к. 386–429; Д. 185-1, к. 98–123; Д. 186-1, к. 1–12; Д. 184-1; Д. 187-1, к. 38–63, 114–120.

5. Селезнев, А.Г. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева. – Новосибирск, 2004.